

Память

О прелестях войны я знаю не понаслышке и не по книгам. Начал ее в Сталинграде, закончил штурмом Берлина. Особенно мне запомнились сталинградские дни - я там был с начала февраля до 5 октября 1942 года. И трудно сказать, что больше запомнилось: непосредственно военные действия или то, что обычно в таких случаях остается за «кадром». Письмо свое посылаю с нарочным, так как сам ходить не могу, и помогает мне социальный работник.

А МАТЬ ПОЛУЧИЛА НА МЕНЯ ПОХОРОНКУ

Анатолий Александрович ТУЗОВ.

60 лет нашей победе в Сталинградской битве

Анатолий Александрович ТУЗОВ, город Вологда

В полках плохо обстояло дело с питанием. Нас, комсомольских секретарей, вызвали в политотдел, где военком дивизии Кузнецов сказал: «Вы сами испытываете скудность в еде. Утром, в обед и ужин одни каши. От недостатка витаминов солдаты заболевают цингой. И кому, как не комсомольским вожакам, следует организовать группы бойцов, чтобы обследовать в степях силосные ямы. В них колхозники вместе с соломой заложили на силос отходы капусты, арбузов, корнеплодов, из которых можно будет варить борщи и щи. А силос сейчас без надобности - скот эвакуируют за Волгу. Кроме того, у нас есть красноармейцы с Азова, которых можно откомандировать домой на помощь женщинам-рыбачкам, и пусть они часть выловленной рыбы отгрузят в Сталинград». Для этих целей были действительно снаряжены команды, но улучшения в питании так и не произошло. В июне в городе вспыхнула эпидемия дизентерии. Все лечебные заведения и общественные здания были заполнены больными. Не обошла эта зараза и меня.

Ужас

В солнечный день 23 августа военком нашего батальона направил меня в центр города провести собрания с бойцами, а также передать им свежие газеты и письма от родных. Закончив дела, зашел на рынок. Масса народа, прямо на земле горы арбузов, дынь, кабачков, на прилавках - ярко-красные помидоры и фрукты. Тут же рядом мирно лежали верблюды. С утра стояла тихая и жаркая погода, в небе над городом не наблюда-

лось ни одного вражеского самолета. Ничто не предвещало беды.

Я стал ждать трамвая, чтобы уехать в расположение полка. Вдруг из громкоговорителей - раздирающие слова диктора: «Товарищи, воздушная тревога! Воздушная тревога! Не скапливайтесь в общественных местах! Не создавайте паники! Поспешите в бомбоубежища и другие укрытия!» Но люди привыкли к ежедневным налетам, не спешили разбегаться, продолжали свои торговые дела.

И вот низко над городом появился немецкий самолет-корректировщик. Как снег, посыпались немецкие листов-

рода. Разбитые дома, улицы завалены горами кирпича, щебня, железа. Трамваи на боку и вверх колесами. Все кругом пылало от пожаров, едкий дым и пороховая гарь выедали глаза, было трудно дышать. У остовов зданий женщины, стоя на коленях, оплакивали погибших родственников. На берегу Волги из разбитых нефтеналивных резервуаров взвивались высоко в небо грибовидные столбы пламени. Нефть стекала в реку, и трудно было поверить, что так может гореть поверхность водной глади.

По дороге я шел (скорее, бежал) в сторону расположения полка. По пути встретил двоих маленьких детей - девочку лет десяти и ее младшего брата-дошкольника. Одной рукой мальчик обхватил шею сестренки, а другая свисала и была перевязана окровавленной тряпичей.

- Идем искать маму, - рыдая, стала рассказывать мне девочка. - Утром она ушла на работу и до сих пор не вернулась домой.

Глядя на этих несчастных детей, у меня к горлу подкатил ком. Может, они больше никогда не увидят свою маму...

Ад

Место нашей части было пусто. Встретил знакомого старшину и солдата, грузивших на автомашину какие-то ящики. Они сказали, что моя часть, вероятнее всего, снялась на Мамаев курган. И действительно, наш 269-й полк я нашел там. Противнику был очень важен именно курган, потому как с его высоты просматривалась территория на десятки километров.

Над нашими головами велись страшные воздушные сражения. Горит один, другой немецкий самолет. Но тут по-

являются «мессершмидты» и на бешеной скорости расстреливают наши самолеты. Выпрыгнувших на парашютах летчиков добивают в воздухе, не дав приземлиться. Разрывались от этого на части сердца наших солдат, но из окопов мы не могли им помочь. Одним словом, преимущество в воздухе было не на нашей стороне.

После воздушного боя в сопровождении пехоты появились на аэродроме немецкие танки, перед нашим полком их число доходило до сорока. Атака противника поддерживалась артиллерийским и минометным огнем.

А на вооружении нашего полка были в основном винтовки старого образца, автоматами вооружен лишь командный состав. В полку было всего три пушки и четыре танка «Клим Ворошилов». В целом дивизия поддерживалась тяжелой артиллерией из-за Волги, бронекатерами Волжской военной флотилии, полком «катюш». Противотанковой артиллерии не было совсем, и атаки противника отбивались в основном самоотверженностью бойцов. Прорвавшиеся танки уничтожались противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной смесью, иногда собаками-подрывниками.

А противник продолжает насаждать на наш участок обороны. С включенными сиренами пикируют немецкие штурмовики, обрушиваются снаряды из шестиствольного миномета, прозванного «скрипунном», ведет шквальный огонь артиллерия. От разрывов фугасов разносит перекрытия землянки, находящиеся в ней люди заваливает. Телефонист ранен. Я лежал контуженный, в ушах стоял звон, в глазах мелькали разноцветные блики огня, кружилась голова. Пять суток я ничего не слышал и не мог внятно говорить...

27 сентября нашему полку приказали перейти в контрнаступление, и ровно в пять ча-

сов утра мы открыли огонь по местам скопления противника. Гитлеровцы молчали, и это вызвало настороженность. Подается команда: «Вперед!», и тут враг словно проснулся. Поле сражения превратилось в кровешный ад. «Кать, кать, кать!» - кричали немцы, когда слышались громовые раскаты наших «катюш»... Но этот отчаянный бой не принес нам успеха - немцы утюжили поле танками и косили наши боевые порядки. И раздалась команда к отступлению.

Боль

Остатки бойцов мелкими разрозненными группами стали отходить от северо-западного склона Мамаева кургана. Из разных батальонов нашего полка собралось нас двенадцать человек. По балке спустились вниз, заняли полуразрушенное здание недалеко от Волги. В подвале этого дома находились спрятавшиеся дети и женщины.

На второй день к дому внезапно подошел немецкий танк. Из него вышли двое «фрицев» и направились на первый этаж, третий остался у раскрытого люка. Мы метнули несколько гранат, они открыли огонь, мы дали ответный, и в считанные минуты было покончено и с танком, и с солдатами. Не прошло и получаса, как примчались второй танк и бронетранспортер с пехотой. Начался обстрел. Я подаю команду бежать в подвал. На лестничной площадке вижу унтер-офицера с пистолетом, направленным в мою сторону. Даю одну автоматную очередь, еще одну. Одновременно обожгло грудь и выпал автомат...

В первые минуты я еще слышал крики, стрельбу, а затем впал в полузабытье, ощущая намокшую от крови одежду на себе и сырость в сапоге. Очнулся в темном подвале. Со свечкой в руках склонились надо мной женщины, перетягивая чем-то жестким мою руку. «У тебя перебита главная кровеносная артерия, ты потерял много крови», - говорили они.

...Вместо награды за кровавые бои в Сталинграде моя мать получила на меня похоронку.

«Кать, кать, кать!» - кричали немцы, когда слышались громовые раскаты наших «катюш»...